

Социальная политика. Социальная структура

© 2023 г.

П.В. БЕЛОПАШЕНЦЕВА

ОФИЦИАЛЬНАЯ И СУБЪЕКТИВНАЯ БЕДНОСТЬ В РОССИИ: ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙ 2020–2021 гг.

БЕЛОПАШЕНЦЕВА Полина Владимировна – стажер-исследователь Центра стратификационных исследований Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия (pbelopashentseva@hse.ru).

Аннотация. В статье рассматривается влияние событий 2020–2021 гг. на официальную и субъективную бедность. Обосновывается целесообразность применения термина «официальная бедность» для обозначения всех методологических подходов (абсолютного до 2021 г. и относительного с 2021 г.), применяемых государством для установления границы бедности. На основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ продемонстрировано, что официальная бедность показала нетипичное для кризисного периода снижение, которое, как можно предполагать, стало результатом смены методологии определения границы бедности и воздействия мер социальной политики. Субъективная бедность оставалась на докризисном уровне: россияне не почувствовали значительных изменений в уровне жизни. Соотношение групп официально и субъективно бедных было стабильным, портреты групп также не демонстрировали значительных изменений, а происходившие изменения жизненных условий были во многом связаны с привычками периода самоизоляции. Выявленные расхождения в масштабах и динамике официальной и субъективной бедности в очередной раз подчеркивают важность многомерного анализа этого феномена.

Ключевые слова: субъективная бедность • официальная бедность • абсолютная бедность • граница бедности • депривации

DOI: 10.31857/S013216250028306-9

Российская экономика с 2014 г. находится в нестабильном состоянии с периодами экономических спадов и подъемов [Радаев и др., 2023]. Последняя относительно благополучная фаза заканчивается в 2019 г., в 2020 г. происходит резкая трансформация мирового масштаба. Сегодня страна продолжает находиться в ситуации вызова для экономики, и ее положение отягощается санкциями, неблагоприятной политической конъюнктурой, расходами на цели СВО.

Предстоящие годы турбулентности могут привести заметные изменения в социальную структуру российского общества, повлиять на уровень и качество жизни населения в целом и масштабы и характеристики бедности в частности. Отслеживание происходящих изменений на ранних этапах кризиса может способствовать своевременному реагированию в целях сдерживания масштабов бедности и профилактики в группах риска,

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

поскольку сокращение бедности продолжает оставаться приоритетным направлением социальной политики в стране¹. Анализ ситуации в 2020–2021 гг. на фоне динамики прошлых лет может дать представление об уже происходящих и ожидаемых тенденциях в сфере материального благосостояния населения, которые наметились еще до кризисных событий 2022 г., а рассмотрение проблемы в нескольких методологических перспективах открывает возможности для многомерной оценки феномена бедности.

Постановка проблемы и теоретико-методологические основания анализа. В научном поле сосуществуют три основных методологических подхода к изучению бедности. В рамках *абсолютной* методологии бедность интерпретируется как недостаток денежных средств для удовлетворения базовых потребностей и воспроизводства населения; к бедным, соответственно, относятся те, чьи доходы ниже заданного уровня – черты бедности. *Относительный* подход отталкивается от нормального, типичного уровня жизни; в его рамках бедность понимается как сильное отклонение от социальной нормы, характерной для конкретного общества (отклонение доходов от медианы, представляющей тот самый стандарт, или же наличие множественных деприваций – лишений в условиях жизни и быта, не характерных для большинства). *Субъективная* бедность основана на самооценках населением собственного положения в обществе, самоидентификации себя с бедными. Три методологических подхода не противоречат друг другу, а скорее являются взаимодополняющими, освещающими разные аспекты феномена бедности, и выбор конкретной методологии зависит от исследовательских целей и задач. Первые два подхода также используются для отслеживания бедности на официальном, государственном уровне. Под *официальной бедностью* в рамках данной статьи мы понимаем все те ее методологии, которые в разные периоды времени применялись для расчета бедности официальными государственными ведомствами. Официальную бедность в России нельзя охарактеризовать как абсолютную или относительную – в разные периоды используются и тот и другой подходы к ее измерению (абсолютный – до 2021 г., относительный – с 2021 г.).

В статье будет рассмотрен вопрос о том, как период турбулентности 2020–2021 гг. отразился на бедности в ее официальном и субъективном измерении, а также на соотношении групп бедных, выделенных с помощью этих подходов. Для поиска ответов мы, во-первых, рассмотрим динамику официальной бедности и коснемся сюжета о смене методологии ее подсчета; во-вторых, представим динамику субъективной бедности и сравним ее с динамикой официальной бедности; в-третьих, проанализируем соотношение двух групп бедных, а затем продемонстрируем изменения в специфике их портретов и жизненных условий.

Обращение к *официальной* методологии позволяет выделить ту группу, которая отражается в официальной статистике и попадает в фокус внимания социально-экономической политики. На протяжении почти 30 лет граница официальной бедности в России исчисляется в денежном выражении и подсчитывается отдельно для разных демографических групп (трудоспособное население, дети, пенсионеры). Выделение *субъективной* бедности позволяет увидеть группу россиян, которая ощущает себя бедной, хотя при этом доходы части ее представителей могут быть выше официально заданного критерия бедности, что выводит их из фокуса социально-экономической политики.

Обращение к субъективной бедности и ее соотношению с официальным показателем соотносится с общемировой тенденцией все большего учета субъективных показателей при анализе благосостояния, качества жизни, общественного развития [Стиглиц и др., 2016]. Рассмотрение групп, выделенных в рамках официальной и субъективной методологий, даст понимание меры согласованности официальной бедности и самооценки гражданами своего положения, специфики каждого из этих измерений бедности, а также сходства или различия влияния на них кризиса последних лет.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию 21 апреля 2021 года. URL: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/president/> (дата обращения: 15.01.2023).

Специфика субъективной и официальной бедности: что говорят результаты российских исследований. Из более ранних работ российских авторов [Овчарова, 2012; Карачук и др., 2013; Бедность..., 2014; Тихонова, 2014; Слободенюк, 2016] известно, что масштабы субъективной бедности превышают масштабы бедности в ее официальном измерении. Показано также, что эти группы не являются вложенными подмножествами, зона их пересечения невелика, а портреты отличаются. Представители официальной бедности характеризуются неустойчивыми позициями на рынке труда, чаще безработны, их домохозяйства имеют повышенную иждивенческую нагрузку (за счет детей или неработающих взрослых). Для субъективной бедности ключевыми факторами являются условия, ухудшающие качество жизни (отсутствие собственного жилья, наличие иждивенцев), а также пессимизм относительно будущего, разрыв желаний и оценки реальных возможностей, чувство бессилия относительно возможности самостоятельно изменить сложившуюся ситуацию.

В периоды экономических рецессий состав группы официально бедных пополняется представителями плавающей бедности – это та часть населения, доходы которой незначительно выше прожиточного минимума, а качество жизни достаточно близко к бедным. Именно поэтому серьезных изменений структуры группы официально бедных при возрастании ее масштабов в кризисные периоды не наблюдается [Слободенюк, 2016]. Субъективная бедность при этом чувствительна к росту безработицы, инфляции и неуверенности в завтрашнем дне, а кризисы влияют на качество жизни большинства населения страны – и именно поэтому рост субъективной бедности наблюдается как в группах низкодоходных россиян, так и в группах с относительно средними и даже высокими доходами, что приводит к большей дифференциации состава субъективно бедных. Такая реакция фактически говорит о снижении возможности поддержания привычного уровня жизни (даже при исходно различных его уровнях в разных группах) [Слободенюк, 2017]. Динамика субъективной бедности может расходиться с динамикой экономического положения: ухудшившиеся представления о своем положении восстанавливаются до докризисных уровней медленнее, чем падают в момент рецессий [Красильникова, 2010].

Исследования бедности в российском обществе в последние годы проводятся в контексте анализа групп, которые имеют повышенный риск попадания в бедность (выделенных на основе социально-демографических, профессиональных или территориальных признаков), а также оценки возможных мер развития адресной помощи и сокращения бедности [Малева и др., 2020; Разумов, Селиванова, 2021; Ржаницына, 2021; Тихонова, Слободенюк, 2022]. В фокусе нашего исследования – влияние кризисных лет на сам феномен бедности в России в ее официальном и субъективном измерениях и их соотношение.

Методология исследования и эмпирическая база. Основной эмпирической базой исследования выступил массив РМЭЗ НИУ ВШЭ², включающий множество переменных, описывающих условия жизни домохозяйств. Мы используем данные с 2009 по 2021 г. для рассмотрения групп в динамике³. Использовались массивы репрезентативной выборки по индивидам и домохозяйствам. Дополнительно учитывались данные из официальных статистических источников⁴.

Для выделения группы официально бедных на основе РМЭЗ НИУ ВШЭ проводилось сравнение декларируемых располагаемых доходов домохозяйства с рассчитанным для него прожиточным минимумом. Расчетный показатель прожиточного минимума конструировался на основе суммы прожиточных минимумов всех членов домохозяйства. Источник данных об индивидуальных прожиточных минимумах – Федеральная служба государственной статистики; для каждого респондента в выборке был определен прожиточный

² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый НИУ «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН. URL: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms>

³ Выборка каждой волны РМЭЗ НИУ ВШЭ составляет от 9,5 до 17 тысяч респондентов.

⁴ Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru>

минимум в соответствии с регионом проживания, статусом (работоспособный / ребенок / пенсионер) и годом проведения полевой части исследования⁵. Статусом бедного надеялось то домохозяйство, для которого совокупный доход оказывался ниже расчетного показателя прожиточного минимума.

Для определения субъективной бедности мы использовали вопрос об оценке индивидом положения в обществе в иерархии «бедность – богатство» по шкале от 1 (самый бедный) до 9 (самый богатый)⁶. В качестве границы субъективной бедности был выбран порог в 3 ступени включительно. Основным аргументом к выбору границы является тот факт, что ступень 4 – наиболее распространенное значение при оценке россиянами своего положения в обществе, а значит – выступает «социальной нормой» на данном этапе социально-экономического развития страны. Под ситуацией субъективной бедности мы подразумеваем положение «ниже нормы». Однако группа субъективно бедных может характеризоваться определенной гетерогенностью, поэтому мы отдельно рассмотрели группы тех, кто оценивает свое положение по шкале «бедность – богатство» на 1–2 ступени и 3-ю ступень.

Динамика официальной и субъективной бедности. Согласно данным Росстата, официальный уровень бедности⁷ в 2021 г. составил 11,0%, снизившись по сравнению с 2020 г. на 1,1% и показав минимальное значение за период с 2013 г. Оба кризисных года (2020 и 2021 гг.) характеризуются снижением доли официально бедного населения (рис. 1). Рассчитанный на выборочных данных аналогичный показатель бедности также демонстрирует положительную нисходящую динамику.

В выборочных обследованиях оценки уровня бедности традиционно оказываются выше показателей официальной статистической службы в силу смещения выборочной совокупности в сторону низкодоходных слоев населения, а также в связи с доходной переоценкой, проводимой Росстатом [Уровень..., 2014: 17]. Большую часть анализируемого периода динамика бедности, по данным официальной статистики и данным РМЭЗ НИУ

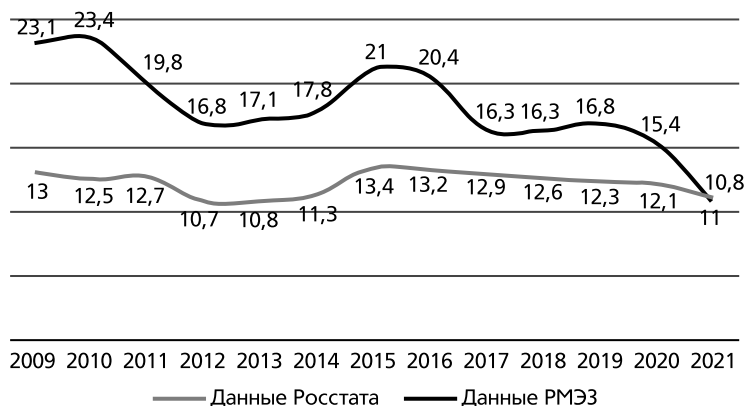

Рис. 1. Динамика официальной бедности по данным Росстата и РМЭЗ НИУ ВШЭ, в %

⁵ Подсчеты на основе информации о Прожиточных минимумах, опубликованных Росстатом. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpm>. Применялись официальные ПМ за 4 квартал каждого года ввиду проведения полевой части исследования РМЭЗ в конце года. Исключением послужил 2021 г. – официальная граница бедности для этого года устанавливалась на год в целом.

⁶ Формулировка анкетного вопроса: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня вы лично?»

⁷ Официальная доля людей, имеющих доходы ниже величины прожиточного минимума (границы бедности) по годам. Источник: Неравенство и Бедность. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 20.12.2022).

Рис. 2. Динамика приростов прожиточного минимума, медианного среднедушевого дохода и инфляции, в %

Источник: Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 18.01.2023).

ВШЭ, сонаправлена, хотя, по данным Росстата, официальная бедность характеризуется плавным нисходящим трендом на протяжении последних шести лет, а по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, это снижение имеет скачкообразный характер. В 2021 г. мы наблюдаем нетипичную ситуацию: впервые за рассматриваемый период показатель уровня бедности, рассчитанный на выборочных данных, приблизился к значению Росстата, и по обоим оценкам происходит значительное снижение уровня бедности. С чем это могло быть связано?

Первая вероятная причина достаточно резкого спада уровня бедности – смена методологии подсчета. До 2020 г. включительно в России действовала официальная черта бедности, основанная на подсчете стоимости потребительской корзины и обязательных платежей (т.е. использовалась логика абсолютного подхода, в рамках которого бедный – тот, кто в силу нехватки денежных средств не может удовлетворить базовые потребности). Пересмотр черты бедности проводился ежеквартально с учетом текущих цен. С 2021 г. введена относительная методология: черта бедности была установлена на уровне 44,2% от медианного среднедушевого дохода по региону за предшествующий год (и, таким образом, стала соотноситься с «нормой дохода» для общества в целом – медианой). Пропорции прожиточных минимумов трудоспособного населения, пенсионеров и детей остались прежними – 109%, 86% и 97% от прожиточного минимума соответственно⁸. По состоянию на 2021 г. граница бедности в целом по РФ составила 11 653 руб. (12 702 руб. для трудоспособного, 10 022 руб. – для пенсионера, 11 303 руб. – для ребенка). По нашим оценкам, такая черта бедности для 2021 г. оказалась заниженной.

Заметно (рис. 2), что в период с 2014 по 2019 г. изменения величины прожиточного минимума в целом отражали динамику доходов и цен. В некоторые годы он рос опережающими темпами (например, 2014–2015 гг.), но, так или иначе, на протяжении всего рассматриваемого периода его приросты были близки к инфляции. Из общей тенденции резко выделяется 2021 г., когда отличия оказались значительными: при инфляции в 8% и росте медианного среднедушевого дохода на 11% (по данным Росстата) прирост прожиточного минимума составил лишь 3%. По данным РМЭЗ, прирост медианы среднедушевых доходов в 2021 г. составил 16%, что превышает приросты по Росстату, и, вероятнее всего, влияет

⁸ Прожиточный минимум, методология. Источник: Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/mCEzhv9F/Прожиточный%20минимум_методология_.doc (дата обращения: 16.04.2023).

на резкое снижение доли бедных по выборочным данным опроса при ее подсчете по «заниженному» показателю границы бедности.

Росстат объясняет снижение доли бедных ростом доходов граждан. Это, в свою очередь, вызвано восстановлением экономической активности после 2020 г. – ростом занятости, оплаты труда, доходов от предпринимательской деятельности, а также возросших социальных выплат⁹. Реальные доходы населения в 2021 г. относительно 2020 г. выросли на 3%¹⁰. В 2022 г. экономика России столкнулась с еще более высоким уровнем инфляции, оцениваемым Росстатом в 12%¹¹, и последующим падением реальных доходов на 1,4%. После внеплановых повышений уровня прожиточного минимума в 2022 г. было принято решение об отказе от относительной методологии подсчета бедности на период 2023–2024 гг.¹²

Еще один возможный фактор снижения бедности – оказание адресной помощи нуждающимся слоям населения в период пандемии. В 2020 и 2021 гг. прошла серия мер государственной поддержки, направленных в первую очередь на семьи с детьми и безработных граждан. В 2020 г. непосредственно на поддержку доходов населения государством было дополнительно направлено 1,96 трлн руб. (3,1% доходов населения). Эксперты говорят об эффективности предпринятых мер для сокращения бедности: результативность связана с созданием адресной системы пособий для семей с детьми, повышением выплат, увеличением охвата, внедрением цифровых технологий для ускорения процессов получения поддержки [Социальная..., 2022: 32]. По оценкам исследователей, государству удалось в краткосрочной мере скомпенсировать около седьмой части выпавших денежных доходов и более трети прироста уровня бедности [Пишняк, 2021]. Однако мы сталкиваемся с другой проблемой – фокус социальной поддержки на традиционно уязвимых группах населения не позволяет охватить группы ситуационной бедности и возможных «новых» бедных (категории населения, которые раньше не характеризовались высокими рисками бедности, но в новых реалиях могут обеднеть).

Приведённые объяснения не противоречат друг другу – меры могли оказать одновременное влияние на снижение уровня бедности в 2020 и 2021 гг. Основное противоречие заключается в том, что спад бедности происходит в момент экономической рецессии. В этом контексте субъективная бедность отражает другой аспект этой проблемы, связанный с социальным самочувствием населения. Что в текущих условиях ощущают сами граждане и как они воспринимают своё положение в обществе?

В последние годы динамика субъективной бедности частично совпадает с динамикой официальной бедности (рис. 3). Заметный всплеск субъективной бедности пришелся на 2016 г., что, вероятнее всего, стало отголоском валютного кризиса 2014–2015 гг. (рост доли бедных по официальной статистике при этом пришелся на 2015 г.). Относительно предыдущего года 2020 г. характеризуется небольшим спадом в доле официальной и субъективной бедности, однако в 2021 г. их динамика расходится: при снижении официального уровня бедности происходит небольшой рост ее субъективного уровня. На отрицательную динамику субъективной бедности в 2021 г. могла повлиять возросшая инфляция: оценка располагаемых ресурсов, которые могли бы удовлетворить в изменяющихся условиях нужды населения, снижается вместе с самооценками интегрального положения в обществе по уровню доходов; свою роль могли сыграть и общая турбулентность, рост неопределенности. Однако масштаб субъективной бедности в 2021 г. схож с ситуацией

⁹ Росстат представляет информацию о границе бедности в IV квартале 2021 года. Источник: Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/157001> (дата обращения: 20.01.2023).

¹⁰ Реальные располагаемые денежные доходы населения по Российской Федерации (новая методология). Источник: Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 20.01.2023).

¹¹ Об индексе потребительских цен в декабре 2022 года. Источник: Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3_13-01-2023.html (дата обращения: 16.04.2023).

¹² Федеральный закон от 05.12.2022 № 470-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений статьи 4 ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации».

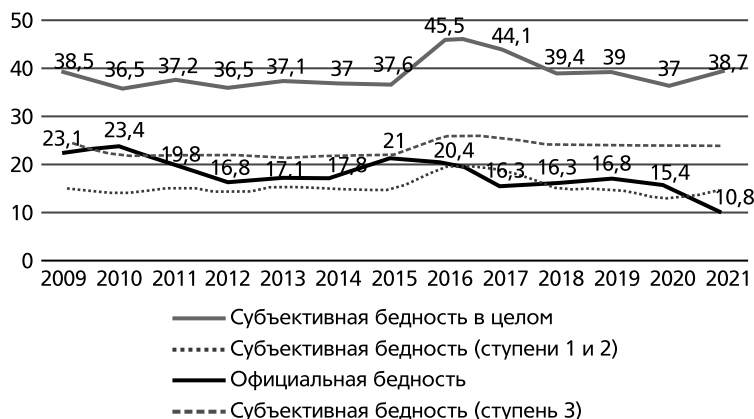

Рис. 3. Динамика субъективной и официальной бедности по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2009–2021 гг., в %

2019 г., поэтому можно говорить скорее не о росте субъективной бедности, а о возвращении ее уровня на докризисный период.

Если рассмотреть разные подгруппы субъективно бедных, заметно, что группа оценивающих себя на 3 ступень более стабильна: основное изменение произошло в 2016 г. (рост с 22% до 26%), и с 2017 г. ее численность остается постоянной. Флуктуации в масштабах субъективной бедности происходят за счет той ее части, которая оценивает себя на самые нижние позиции (1–2 ступени). Ее численность также заметно повышается в 2016 г. (19%), однако до 2020 г. происходит постепенное снижение (до 13%), а в 2021 г. масштаб подгруппы вновь начинает расти.

Таким образом, при резком снижении официальной бедности значительных изменений в масштабах субъективной бедности не происходило. Россияне не почувствовали ухудшения положения, но, несмотря на масштабные социальные выплаты, улучшения самооценок положения также не последовало. В 2020–2021 гг. государство значительно поддержало население, находящееся в зоне риска бедности, однако такие меры социальной политики, вероятнее всего, ситуативны, а их эффекты недолговечны.

Соотношение и характеристики групп официально и субъективно бедных. Помимо различий в динамике, два типа бедности отличаются по составу, и их соотношение между собой может меняться. В 2019–2021 гг. группы россиян, представляющие субъективную и официальную бедность, в большей степени расходились, чем совпадали между собой (см. рис. 4).

Как было отмечено, масштабы субъективной бедности выше, чем официальной, и скорее стабильны во времени, в то время как заметные изменения происходят в официальной бедности. На рис. 4 продемонстрирован растущий перекос в сторону субъективной бедности среди обобщенной группы бедных – россиян, бедных хотя бы по одному из двух оснований, объективному и/или субъективному. Сокращение масштабов официальной бедности происходит по большей мере именно в той ее части, которая не чувствует себя бедной. Заметна также тенденция роста доли субъективно бедных внутри официальной бедности – таким образом, официальная бедность все больше «поглощается» субъективной. Отметим, что в группе официально бедных практически в равной мере представлены и те, кто оценивают себя на 3-ю ступень в иерархии субъективного восприятия, и те, кто считает свое положение более низким (1–2 ступени), – так, в 2021 г. среди официально бедных оказывается 53% субъективно бедных¹³, при этом 28% оценивают свое положение на ступени 1–2 и 26% – на ступень 3.

¹³ Остальные 47% официально бедных отметили свое положение в обществе по шкале от бедных до богатых на оценку 4 и выше.

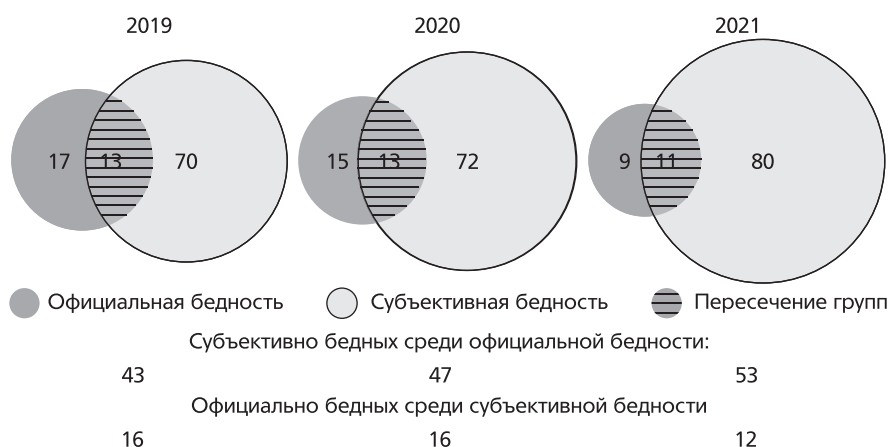

Рис. 4. Соотношение групп официальной и субъективной бедности в 2019–2021 гг., по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, в %

Примечание. 100% – группа респондентов, бедных хотя бы по одному из двух оснований.

При оценке распространенности официальной бедности в субъективно бедных группах заметна определенная дифференциация: в 2021 г. среди тех, кто оценил собственное положение в обществе на 3 ступень, оказалось 9% официально бедных, а среди оценивших свое положение на 1–2 ступени – уже 16%. Однако для обеих подгрупп доля официально бедных в их составе составляет меньшинство – иными словами, большая часть их представителей не считается государством бедными и выпадает из фокуса программ, направленных на снижение бедности.

С учетом такого соотношения групп официальной и субъективной бедности неудивительно, что их портреты различаются. Из предшествующих исследований уже известно, что субъективная бедность в большей мере представлена людьми старшего возраста, официально находящимися вне границ официальной бедности, но обладающими плохим состоянием здоровья или множественными депривациями, что отягощает их положение и значительно сокращает потребительские возможности в силу необходимости неэластичных затрат [Овчарова, 2012; Карабчук и др., 2013; Слободенюк, 2016]. Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, портрет отметившего собственное положение на 3 ступень можно охарактеризовать как близкий к среднестатистическому россиянину, в то время как определившие себя на самые нижние ступени (1–2) обладают более ярко выраженными характеристиками субъективной бедности: они чаще являются пенсионерами, имеют нестабильную занятость, более высокий уровень неудовлетворенности различными жизненными аспектами и беспокойством за будущее, чаще имеют хронические заболевания (хотя лишь незначительно старше определивших себя на 3 ступень).

Группа официально бедных, судя по результатам предыдущих исследований, характеризуется более молодым средним возрастом, а ее структура сдвинута в сторону сел и представлена преимущественно семьями с детьми, а также лицами, занимающими неустойчивые позиции на рынке труда [Овчарова, 2012; Карабчук и др., 2013; Бедность..., 2014; Тихонова, 2014; Слободенюк, 2016]. Эти же характеристики подтверждаются и на наших данных. Значительных изменений в портретах групп за 2019–2021 гг. не произошло, за одним исключением – официальная бедность начала «перетекать» в областные центры: доля жителей областных центров среди бедного населения выросла с 23% в 2017 г. до 29% в 2021 г. Однако официальная бедность все еще остается более характерной для

сельского населения – в сельской местности проживали 46% бедных, в то время как среди населения в целом доля сельского населения ниже и составляет 26%.

Динамика доходов в группах официально и субъективно бедных в последние годы также различается. Группа субъективно бедных оказывается близка к населению в целом: в 2020 г. происходят незначительные изменения медианы дохода относительно 2019 г. (+0,2% среди субъективно бедных / +3% среди населения в целом), тогда как в 2021 г. рост медианных доходов составил +15% / +16% соответственно. В итоге в 2021 г. медианный доход на душу составил 21 400 руб., а для субъективно бедных – на 900 рублей меньше. В это же время медианные доходы официально бедных два года подряд характеризовались постоянным приростом в +7%, а медиана дохода по состоянию на 2021 г. составила 9316 руб. – более чем в 2 раза меньше, чем в субъективной бедности и среди населения в целом. Влияние на изменение структуры доходов оказали детские выплаты: доля детских пособий в общих доходах домохозяйств, которым полагаются детские пособия, выросла с 6% в 2017 г. до 12% в 2021 г., а для официально бедных получателей пособий детские выплаты в 2021 г. составили 18% от совокупных денежных поступлений.

Динамика объективных показателей отражается на субъективном восприятии своего материального положения: россияне декларировали ухудшение в основном в 2020 г., причем группа официально бедных – в меньшей мере, чем субъективно бедные и население в целом, что соотносится с реальной динамикой медианных доходов. Уровень оптимизма относительно будущего улучшения материального положения по населению в целом был максимален в 2019 г. (22%), а затем постепенно снизился в 2020 и 2021 гг. до 16%. При этом доля оптимистов среди субъективно бедных минимальна – в 2021 г. только 8% верили, что в следующем году будут жить лучше. Среди официально бедных этот показатель выше и составляет 14%.

Группы бедных также отличаются в тех депривациях, которые они испытывают (рис. 5). Под депривациями мы понимаем жизненные условия и возможности, отсутствие которых выходит за рамки социальной нормы, сложившейся в обществе на данном этапе его развития (иными словами, большинство населения характеризуется наличием соответствующих условий и возможностей)¹⁴. Предыдущие исследования показали, что в официальной бедности больше тех, кто испытывает жилищные депривации, а субъективно бедные характеризуются лишениями, связанными с ежедневным потреблением [Белопащенко, 2022].

В целом, заметна большая распространенность разного рода деприваций среди официальной бедности (в особенности это касается жилищных деприваций). Что касается динамики, то обе группы бедных, как и население в целом, стали реже тратить деньги на развлечения, чаще указывать на наличие холодильника no-frost в домохозяйстве, чаще иметь возможность потреблять белковую пищу. Эти изменения можно охарактеризовать «ковидным» периодом изоляции. Улучшения в большей степени коснулись группы субъективно бедных: среди них стало меньше тех, кто не обладает доступом к интернету, жилой площадью более 6 м² на человека, стиральной машиной; меньшая доля говорит о том, что не может позволить себе отдых. Таким образом, в сравнении с 2019 г. в основном наблюдаются изменения в тех условиях жизни, на которые мог повлиять режим самоизоляции.

Результаты исследования еще раз подчеркивают, что объективная реальность специфически отражается в субъективном восприятии населения – только половина официально бедных считает себя бедными, при этом распространение субъективной бедности в России достаточно велико; факторы формирования субъективной бедности, связанные с депривациями, еще нуждаются в дальнейшем изучении. Рассогласования масштабов и динамики

¹⁴ В данном случае мы делаем отсылку к депривационной методологии бедности, рассматривая те жизненные условия и возможности, которые традиционно фигурируют в исследованиях немонетарной относительной бедности в качестве деприваций.

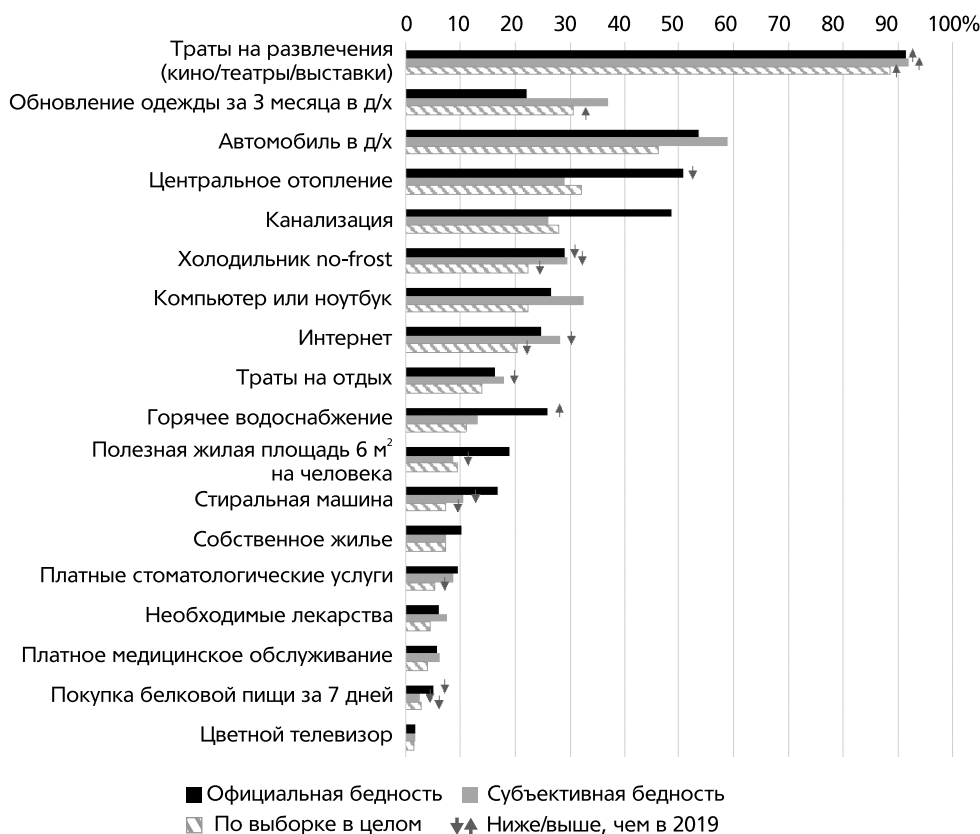

Рис. 5. Распределение деприваций в группах официально бедных, субъективно бедных и по населению в целом в 2021 г., по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, в %¹⁵

двух измерений бедности – объективного и субъективного – дополнительно подчеркивают необходимость изучения бедности в многомерном контексте, с учетом не только денежного ее измерения. Социальная политика, выстраиваемая без учета этого контекста, может иметь ограниченную эффективность и низкую легитимность в глазах населения.

Основные выводы. Период 2020–2021 гг. ознаменовался значительным сокращением официального уровня бедности, что, с одной стороны, противоречит «кризисной» логике, а с другой стороны, становится логичным следствием смены методологии официальной бедности и активной социально-экономической политики, направленной на преодоление и предупреждение бедности массовых слоев, особенно семей с детьми, традиционно характеризующихся наиболее высокими рисками бедности. Смена официальной методологии выделения бедности с абсолютной на относительную в 2021 г., по нашим оценкам, привела к заниженному показателю границы бедности в сравнении с уровнем прироста доходов и инфляции. Адресная поддержка семей с детьми и безработных граждан в период начала пандемии не дала «скатиться» в бедность тем слоям населения, которые традиционно имеют повышенные ее риски. Вместе с тем динамика субъективной

¹⁵ Динамика показателей (выше / ниже, чем в 2019 г.) приведена согласно значимой разнице долей на основании z-критерия Фишера на уровне доверительной вероятности 95%. Представлены доли от числа ответивших на вопрос.

бедности не показывает положительных изменений, а, скорее, находится на «плато» с небольшим снижением в 2020 г. и обратным повышением в 2021 г. Динамика предыдущего кризиса 2014–2015 гг. показала, что субъективная бедность может иметь отсроченную реакцию на кризисные изменения в силу накопления некоторого запаса прочности в благополучные годы (сбережения, товары длительного пользования, инвестиции в человеческий капитал), который постепенно иссякает в течение кризисных периодов, приводя за собой отсроченное чувство ухудшения своего положения. Как субъективная, так и официальная бедность в период 2020–2021 гг. не показывают значительных изменений в портрете своих типичных представителей, за исключением того, что официальная бедность «перетекает» в крупные города, хотя по-прежнему остается более характерной для сельской местности.

Дальнейшая динамика объективного и субъективного измерения бедности сложна для оценок – масштабы официальной бедности находятся в зависимости от методологий подсчета и мер социальной политики, субъективной – от инфляции, общего социально-экономического фона и настроений граждан, степени неопределенности и масштабов турбулентности. Параллельное изучение бедности через призму разных методик необходимо для понимания объективного положения населения (причем не только с точки зрения достаточности доходов, но и наличия или отсутствия тех или иных условий и возможностей, типичных для большинства населения), субъективного восприятия ситуации и своего положения самими россиянами, а также их соотношения. Заметное рассогласование объективного и субъективного измерения бедности может означать ограниченную адресность и эффективность предпринимаемых мер поддержки населения. Более того, повышение субъективного благополучия подразумевает дополнительные меры регулирования – от расширения понимания уязвимых групп населения до разработки новых мер социальной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2014.
- Белопашенцева П.В. Что говорит о российской бедности депривационный подход? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2022. № 4(170). С. 110–129. DOI: 10.14515/monitoring.2022.4.2224.
- Как россияне справляются с новым кризисом: социально-экономические практики населения / Под ред. В.В. Радаева. М.: ВШЭ, 2023. DOI: 10.17323/978-5-7598-2756-6.
- Карабчук Т.С., Пашинова Т.Р., Соболева Н.Э. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России. Социология. Этнология. 2013. № 1. С. 155–175.
- Красильникова М.Д. Как российское население переживает очередной экономический кризис // Мир России. Социология. Этнология. 2010. Т. 19. № 4. С. 162–181.
- Малева Т.М., Гришина Е.Е., Бурдяк А.Я. Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту? // Вопросы экономики. 2020. Т. 12. С. 24–40. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-12-24-40.
- Овчарова Л.Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15–38.
- Пишняк А.И., Горина Е.А., Корчагина И.И., Тер-Акопов С.А. Материальное положение россиян в условиях пандемии: влияние государственной поддержки // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 6. С. 70–93. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-6-70-93.
- Разумов А.А., Селиванова О.В. Бедность в России: региональные особенности и перспективные инструменты снижения ее уровня // Социально-трудовые исследования. 2021. № 4(45). С. 75–88. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-45-4-75-88.
- Ржаницына Л.С. Совершенствование системы получения алиментов – путь снижения бедности // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 130–135. DOI: 10.31857/S013216250013850-8.
- Слободенюк Е.Д. Последствия кризиса 2015 года: обеднение или прекаризация? // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2. С. 183–200. DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-2-183-200.
- Слободенюк Е.Д. Факторы абсолютной и субъективной бедности в современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3–4(123). С. 82–92.

- Социальная защита в России до и после пандемии: развилки будущего. Докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 2022 г. / Под ред. Л.Н. Овчаровой, О.В. Сиявской. М.: ВШЭ, 2022.
- Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / Пер. с англ. И. Кушнareвой; науч. ред. перевода Т. Дробышевская. М.: Ин-т Гайдара, 2016.
- Тихонова Н.Е. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 7–19.
- Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31. № 1. С. 113–137.
- Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней / Под ред. Н.Л. Овчаровой. М.: ВШЭ, 2014.

Статья поступила: 06.06.23. Финальная версия: 18.08.23. Принята к публикации: 25.09.23.

OFFICIAL AND SUBJECTIVE POVERTY IN RUSSIA: THE IMPACT OF 2020–2021 EVENTS

BELOPASHENTSEVA P.V.

Higher School of Economics, Russia

Polina V. BELOPASHENTSEVA, Intern Researcher at the Centre for Stratification Studies, Higher School of Economics Institute for Social Policy, Moscow, Russia (pbelopashentseva@hse.ru).

Acknowledgements. Based on the data of the Russia Longitudinal Monitoring Survey of Higher School of Economics (RLMS-HSE).

Abstract. The article examines the impact of 2020–2021 events on official and subjective poverty. The expediency of using the term “official poverty” to refer to all methodological approaches (absolute until 2021 and relative from 2021) used by the government to establish the poverty line is substantiated. Based on the data of the Russian monitoring of the economic situation and health of the population of the National Research University Higher School of Economics, it is shown that official poverty showed an atypical decline during the crisis period, which, as might have been expected, was the result of a change in the methodology for determining the poverty line and the impact of social policy measures. Subjective poverty kept the pre-crisis level. The relation between officially and subjectively poor groups remained stable, the group portraits also did not show significant transformations, and the changes in living conditions are largely related to the habits of the self-isolation period. The revealed differences in the scale and dynamics of official and subjective poverty once again emphasize the importance of a multidimensional analysis.

Keywords: subjective poverty, official poverty, absolute poverty, poverty line, deprivation.

REFERENCES

- Belopashentseva P.V. (2022) What Does the Deprivation Approach Say About Russian Poverty? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4: 110–129. DOI: 10.14515/monitoring.2022.4.2224. (In Russ.)
- How Russians Cope With the New Crisis: Socio-Economic Practices of the Population* (2023). Ed. by V.V. Radaev. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Karabchuk T.S., Pashinova T.R., Soboleva N.E. (2013) Household Poverty in Russia: What Does the RLMS-HSE Data Say. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 1: 155–175. (In Russ.)
- Krasil'nikova M.D. (2010) How Russian Population Goes Through Yet Another Economic Crisis. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 4: 162–181. (In Russ.)
- Maleva T.M., Grishina E.E., Burdyak A.Y. (2020) Chronic Poverty: What Affects its Level and Severity? *Voprosy ekonomiki* [Question of Economic]. No. 12: 24–40. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-12-24-40. (In Russ.)
- Ovcharova L.N. (2012) Theoretical and Methodological Issues of Definition and Measurement of Poverty. *SPERO. Socialnaya politika: ekspertiza, rekomendacii, obzory* [SPERO. Social Policy: Expertise, Recommendations, Reviews]. No. 16: 15–38. (In Russ.)

- Ovcharova L.N., Biryukova S.S., Popova D.O., Vardanyan E.G. (2014). *Poverty Level and Poverty Profile in Russia: From 1990 to Nowadays*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Pishnyak A.I., Gorina E.A., Korchagina I.I., Ter-Akopov S.A. (2021) Financial Well-Being of the Population in the Pandemic: The Impact of the Income Support Policy Response in Russia. *Ekonomicheskaya Politika* [Economic Policy]. Vol. 16. No. 6: 70–93. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-6-70-93. (In Russ.)
- Poverty and Poor in Modern Russia* (2014). Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Razumov A.A., Selivanova O.V. (2021) Poverty in Russia: Regional Features and Prospects for Poverty Reduction Instruments. *Sotsialno-trudovye issledovaniya* [Social and Labor Research]. No. 4: 75–88. DOI: 10.34022/2658-3712-2021-45-4-75-88. (in Russ.)
- Rzhanitsyna L.S. (2021) Improving the Situation of Children in Divorced Families – a Way to Reduce Poverty. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 4: 130–135. DOI: 10.31857/S013216250013850-8. (In Russ.)
- Slobodenyuk E.D. (2016) Factors of Absolute and Subjective Poverty in Modern Russia. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. No. 3–4: 82–92. (In Russ.)
- Slobodenyuk E.D. (2017). Consequences of the 2015 Crisis: Slipping Into Poverty or Precarity? *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. No. 15(2): 183–200. DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-2-183-200. (In Russ.)
- Social Protection in Russia Before and After the Pandemic: Forks of the Future* (2022). Ed. by L.N. Ovcharova, O.V. Sinyavskaya. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Stiglitz J.E., Sen A., Fitoussi J.P. *Mismeasuring our lives: why GDP doesn't add up. The report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress* (2016). Transl. I. Kushnareva, T. Drobyshevskaya. Moscow: In-t Gaydara. (In Russ.)
- Tikhonova N.E., Slobodenyuk E.D. (2022) Poverty of Russian Professionals: Scale, Causes, Trends. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 1: 113–137. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2014) Poverty Phenomenon in Contemporary Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 1: 7–19. (In Russ.)

Received: 06.06.23. Final version: 18.08.23. Accepted: 25.09.23.